

5. Исаева В.Б. Современные концептуальные модели социологии конверсии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. Выпуск 166. С. 108-113.
6. Подлесная М.А. Русские православные общины за рубежом: основные тенденции развития в условиях поликультурного общества // Гуманитарий Юга России. 2014. № 4. С. 85-96.
7. Пруцкова Е.В. Связь религиозности и ценностно-нормативных показателей: фактор религиозной социализации // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. 2015. Вып. 3 (59). С. 62-80.
8. Складорова Т.В. Религиозная социализация: проблемы и направления исследований // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2009. №4 (15). С. 9.
9. Урри Дж. Мобильность и близость // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 3-14.
10. Фолиева Т.А. Религиозная социализация: понятия и проблемы // Известия ИГУ. 2012. № 2(9). С. 205.
11. Ericson E.H. Childhood and Society. N.Y., 1963.
12. Harms E. The development of religious experience in children // American Journal of Sociology. 1944. № 50. P. 112-122.
13. Hutch R.A. Religious Leadership: Personality, History and Sacred Authority. N.Y., 1990.
14. Kirkpatrick L.A. An attachment-theory approach to the psychology of religion // International Journal of the Psychology of Religion. 1992. № 2. P. 3-28.
15. Vergote A., Tamayo A. The Parental Figures and the Representation of God. The Hague, 1980.
16. Klauber J. Notes on the psychical roots of religion, with particular reference to the development of Western Christianity // International Journal of Psychoanalysis. 1974. № 55. P. 249-255.
17. Schoenfeld C.G. God the father and mother: Study and extension of Freud's conception of God as an exalted father // American imago. 1962. V. 19. P. 213-234.
18. Sherkat D. Religious Socialization and the Family: An Examination of Religious Influence in the Family over the Life Course. Unpublished Ph.D. Dissertation. Department of Sociology, Duke University, 1991.
19. Vergotte A., Tamayo O., Pasqualli L., Bonami M. and others. Concept of God and Parental Images // Journal for the Scientific Study of Religion. 1969. № 8. P. 79-87.

ПОСПЕЛОВА С.В., ПОСПЕЛОВА А.И. ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ И МОТИВАЦИОННЫХ УСТАНОВОК ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ КМНС ПРИ ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ

Аннотация. В статье анализируются этнические и межэтнические аспекты социализации личности КМНС. На основе специфики социализации выявляются мотивационные установки при выборе профессии. Социализация КМНС основана на традиционном опыте воспитания и обучения у народов Севера и проходит в трудовом коллективе, который часто равен родовой общине. Проблема описания социокультурных индикаторов социализации коренных народов в целом не решена, однако сравнение *непосредственных результатов социализации, обусловленных культурой*, интересует исследователей, в первую очередь, тем, чем отличаются дети, выросшие в разных социокультурных средах, каковы их ценности, идеалы, стереотипы поведения.

Ключевые слова: факторы социализации, коренные малочисленные народы Севера, мотивационные установки на образования, ценностные типы.

POSPELOVA S.V., POSPELOVA A.I. ETHNIC FACTOR OF SOCIALIZATION AND MOTIVATION ATTITUDE OF INDIGENOUS CHILDREN AND YOUTH WHILE PROFESSION CHOOSE

Abstract. The article analyzes ethnic and interethnic aspects of the socialization of the personality of the indigenous people. On the basis of socialization, motivational attitudes are revealed when choosing a profession. Socialization of indigenous people is based on the traditional experience of upbringing and education among the peoples of the North and takes place in the work collective, which is often equal to the tribal community. The problem of describing socio-cultural indicators of the socialization of indigenous peoples as a whole is not solved, but comparison of the immediate results of socialization, conditioned by culture, is of interest to researchers, first of all, by the difference between children who grew up in different sociocultural environments, their values, ideals, stereotypes of behavior.

Keywords: factors of socialization, indigenous minorities of the North, motivational attitudes toward education, value types.

XX век для коренных малочисленных народов Севера прошел под знаком патернализма, который был обусловлен переносом имперской, а затем советской системы устройства власти на родоплеменную организацию жизни местного населения. В 20-ые годы определились пути, формы, методы и принципы развития коренных малочисленных народов, создания государственности, становления экономики, особенностей социальной структуры, самобытной культуры и образования. Нарубеже XX и XXI веков общество открыло для себя новый феномен – этническое возрождение или этнический парадокс современности. Сущность этого явления заключается в значительном повышении роли этничности в общественных процессах, возрождении интереса к этнической идентичности, языку, культуре, обычаям, традициям, образу жизни на фоне нарастающей интернационализации экономической и социально-политической жизни, глобализации человеческой деятельности. В современной картине мира возникают новые пространства, выявляющие отсутствие синхронии процессов и измерений общественной жизни. В результате децентрализации и детерриториализации в областях экономики и культуры идет отказ от этноцентризма в пользу плюральности и равноправия культур [1, 55].

Современное состояние этнической идентичности КМНС характеризуется неустойчивостью и противоречивостью, «размытостью», этнической напряженностью, что требует специального изучения особенностей этнической идентичности, в первую очередь, детей КМНС. Следует отметить, что проблема описания социокультурных индикаторов социализации коренных народов в целом не только не решена, но и не обсуждена достаточно полно в публикациях. Сравнение непосредственных результатов социализации, обусловленных культурой, интересует исследователей, в первую очередь, тем, чем отличаются дети, выросшие в разных социокультурных средах, каковы их ценности, идеалы, стереотипы поведения. Если в европейской модели образование (в контексте социального прогресса), помимо передачи социального культурного наследия, позволило человеку не только разорвать связь с природой и встроиться в новую модель цифровых технологий, то у коренных малочисленных народов Севера образование позволило (до последнего времени) сохранять традиционные связи человек-мир и вести автохтонный образ жизни.

В связи с переходом российского образования на новую образовательную парадигму, введением федерального государственного образовательного стандарта высшего образования требования к профессиональной подготовке заметно возрастают. В качестве более широкой системы является целый ряд компетенций: коммуникативная, культурологическая и когнитивная. Любая инновация в образовании не должна разрушать инкультурацию детей дошкольного возраста, учащихся – это важный культурообразующий фактор социализации, от которого зависит не только духовное здоровье, но и территориальная целостность государства [1].

Традиционный опыт воспитания и обучения у народов Севера основывался на практике старших поколений в условиях вечной борьбы за выживание. Воспитание детей в семье народов Севера обусловило жизнь в суровых северных условиях и требовала от родителей постоянной заботы о физическом развитии и закаливании детей. Забота о физическом развитии детей сочеталась с системой их трудового воспитания, с подготовкой молодого поколения к жизни в условиях сурового края.

Разделяя с родителями все трудности бытового уклада, дети уже с раннего возраста воспринимали законы общения с людьми, бережного отношения к природе и животному миру (экологическая солидарность народов Севера), заботу о ближнем, овладевали навыками трудовой деятельности. Многие из этих традиций продолжались при обучении в школе. Социализация представителей КМНС проходит в условиях близких к условиям родовой общины. Вертикальные и горизонтальные связи должны быть обязательно не анонимными. Как сообщил в интервью молодой эвен: «когда он приезжает в город, он не чувствует своего места в общества, он один из тысячи, а вот в тундре, в своей бригаде, он – человек».

Процесс социализации КМНС во многом зависит от характера межэтнических отношений, сложившихся в регионе. Соответственно, через изучение этнических стереотипов и специфики межэтнического восприятия могут быть вскрыты многие проблемы КМНС, в первую очередь, в структуре их самоидентичности. При этом под *этническими стереотипами* мы будем понимать «относительно устойчивые мнения обобщенного характера о той или иной этнической группе» [2, 197], *особенности межэтнического восприятия* раскрываться через изучение отношения КМНС к другим этносам, представленным на территории области, отношения к КМНС групп этнического большинства (*авто- и гетеростереотипы КМНС и инонационального населения*) [3, 143], рефлексии представителями КМНС отношения к своей этнической группе с стороны групп этнического большинства.

Для определения специфики этнической идентичности КМНС нами было произведено сравнение образов аборигенных этносов и образа русского (доминирующего на территории этноса) у выборки представителей коренных народов Магаданской области [4, 57].

У КМНС существует положительный образ своих этнических групп. Однако среди характеристик, используемых для их описания, отсутствует ряд качеств, что указывает на сложившиеся в ряде случаев предпочтения иннациональных группы. В частности, при сравнении образов русского этноса и этносов, относящихся к КМНС, из четырех характеристик, выделенных выборкой «коренного» населения в образе русского, лишь одна («общительный») встречается при описании КМНС, в то время как такие характеристики как «ум», «активность» и «красота» отсутствуют. Это может свидетельствовать о противоречивой, амбивалентной этнической идентичности. Полученные данные соотносятся с результатами исследования С. Павлова и В. Мухиной [5, 55-75] этнической идентичности детей КМНС (на примере ханты и лесных ненцев), согласно которым у представителей КМНС наблюдается выраженное напряжение к своим фенотипическим признакам и предпочтение фенотипических признаков этносов европеоидного антропологического типа.

Сравнение образов аборигенных и русского этносов у представителей КМНС

Оцениваемый стимул (этнос)			
КОРЯК	ЧУКЧА	ЭВЕН	РУССКИЙ

доброжелательный добрый естественный общительный открытый простой сильный скромный трудолюбивый честный	естественный мечтательный оптимист организованный простой трудолюбивый честный	доброжелательный подвижный сильный трудолюбивый общительный честный	активный красивый общительный умный сильный
--	--	--	---

Анализ межэтнических стереотипов жителей Магаданской области показывает, что наиболее совпадающие признаки (общительный, доброжелательный, сильный, честный) присутствуют в оценке представителей из числа КМНС. Признаки: активный, красивый и умный принадлежат только русским, что дает основания предполагать наличие искажений в идентичности КМНС. В случае, если это отношение рефлексировано представителями КМНС, это может обуславливать психологические трудности аборигенных этносов в процессе социализации.

Как отмечается в исследованиях, осознавая свои личностные трудности, представители КМНС не уделяют должного внимания в своих представлениях о будущем благоприятному решению личностных проблем. Как известно, этничность – это не только этническая идентичность, этническое самосознание людей, но и реальное следование этноспецифическим формам поведения, особенностям в видении и восприятии мира, в жизненных ориентациях [6, 9].

Так, согласно данным отдела социологических исследований СВГУ, из числа КМНС Магаданской области [7, 221-230]:

- 31,1% не занимаются никакими традиционными видами деятельности (оленоводством, рыболовством, охотой, народными промыслами и т.д.) и 28,1% не высказывают желания ими заниматься;

- 63,3% не знают родного языка, при этом 29,3% не высказывают желания его выучить;

- 65% не передают культурный опыт своего народа своим детям, при этом 43% считают его необязательным для своих детей;

- 52% не знают традиций, обрядов и обычаев своих народов.

Все это указывает на искажения не только в сфере социальной идентичности, но и этничности в целом (под которой понимают «совокупность характерных культурных черт, отличающих одну этническую группу от другой»)[8,350], поскольку размываются важнейшие этнодифференцирующие признаки КМНС.

Как известно, этнос во многом определяет себя в противопоставлении по типу «мы – не мы», через сравнение с другими. Субъективное восприятие своего этноса и соотнесение его с другими зависит от условий проживания аборигенов, окружающей среды, степени урбанизации их быта. Так, каждый третий респондент, проживающий в г. Магадане, считает, что представители КМНС ничем не отличаются от остальных жителей региона, а среди наиболее распространенных характеристик выступают внешность, лень и нежелание работать [7, 230].

По мнению жителей Северо-Эвенского района, доминирующими чертами этноса, относящихся к разряду личностных или духовных, являются: доверчивость, доброта, гостеприимство, скромность. Кроме того, отмечаются негативные моменты, влияющие на успешность процесса социализации, а именно: неумение адаптироваться, трудности в общении, неграмотность, несамостоятельность, пассивность. В результате создается образ, характеризующий представителя КМНС как открытого, добродушного, не

способного принять те изменения, которые прямо или косвенно входят в привычный уклад жизнедеятельности коренного северянина.

Формирование ориентации и потребностей на образование у коренных малочисленных народов Севера определяется наличием (или отсутствием) этнических культурных ценностных ориентации коренных малочисленных народов Севера во взаимодействии с культурными ценностными ориентациями других национальных сообществ и этносов [7, 230].

Следует отметить, что к особенностям социализации КМНС относятся:

- Ранняя включенность детей в трудовые отношения взрослых, что способствует раннему развитию автономности, ответственности детей.
- Природосообразность развития. Ребенок развивается в рамках определенного конкретного социума, которая сохраняется в условиях сельской местности в виде «вертикального» общения среди детей разных возрастов.
- Степень вовлеченности родителей в технологическую среду и инонациональную культуру.

Для современного этапа языковой жизни народностей Магаданской области и Чукотки закономерным является национально-русское двуязычие. Практика и опыт показывают, что небольшие народности в большей степени склонны к двуязычию, чем крупные народности и, тем более нации. Одноязычие оценивается как явление *ненормальное* в языковой жизни. Анализ данных социологических исследований 2016 г. показывает, что 75% чукчей знает только русский язык, а 25 % – только чукотский [11], что фактически повторяет данные 1988 г. [12, 22]. При этом – родным языком для 28 % коренных жителей является русский. Знание своего родного и русского языка оценивается как *нормальная* языковая ситуация.

В районах Крайнего Севера по мере развития производительных сил и вовлечения коренных народов в техническое производство роль русского языка возрастала, сужалась *национальная языковая среда*. Ценности, которыми испокон веков жили народности Чукотки, стали стремительно падать, уступать место новым, утрачивая свою роль в жизни чукчей, эскимосов, коряков, юкагиров, эвенов. В постсоветский период в целом по Северу наблюдается снижение уровня общего и профессионально-технического образования коренных северян. На 2014 г. почти 48% из них имели только начальное и неполное среднее образование, 17% не имели и начального образования, из них половина полностью неграмотна [7, 222].

74% (1998 г.) и 80 % (2011 г.) респондентов отметили положительное влияние русской культуры. При этом, как считают 41% из них (в 2011 г.), национальная культура и утратила многие элементы. В 1998 году об утрате элементов культуры говорили 25 % респондентов. В 1998 году отрицательно относились к подобным культурным заимствованиям 3%, а в 2011 году – 9 % [7, 223].

В 2004-2014 гг. исследования по этническим ценностям и их роли в социализации КМНС (язык, обычаи, традиции, религия) и их функционирование в жизнедеятельности респондентов исследовались по шкале, специально созданной для изучения восприимчивости индивида или группы к инновациям в результате процесса трансформации социокультурного комплекса.

Язык является важнейшим интегрирующим элементом культуры. Кроме того, ответ информатора на этот вопрос говорит не только о реальном языковом поведении, но и о «ценностей ориентации по этому поводу. 32,2% (2011 г.) всех респондентов желают, чтобы их дети обучались на родном языке. Остальные отдают предпочтение русскому, не видя смысл в обучении и общении на родном языке.

Подавление этнокультуры малочисленных народностей полиэтнической несеверной культурой (нетрадиционное отношение к природе и ее продуктам, интернирование детей, распад семьи и невозможность передачи опыта его непосредственными носителями в традиционных формах) привело к серьезным

изменениям в самосознании представителей малочисленных народностей Севера, что способствовало снижению их социальной активности.

При анализе массива данных учащейся молодежи из числа коренных малочисленных народов Севера г. Магадана и Магаданской области у нас была возможность проанализировать воздействие этнического фактора на распределение мотивационных установок учащейся молодежи при выборе профессии, которые активно (неактивно) также являются мотивационным фактором на повышение образовательного уровня учащейся молодежи. По показателям всех массивов учащейся молодежи можно сделать вывод о том, что наличие мотивации на повышение уровня образования у респондентов-школьников и респондентов-студентов училища подтверждается – 71,2% и 42,9% (соответственно) собираются продолжить свое обучение; 10,2% и 14,3% – собираются совмещать учебу и работу. Также подтверждается наличие мотивации на повышение уровня образования и у респондентов-студентов Вузов – 35,3%, а 17,6% – собираются продолжить свое образование

Следует отметить, что всем респондентам перечень профессий и специальностей намеренно не предлагался для выявления наличия самооценки своих способностей и предпочтений, а предлагался самостоятельный выбор профессии.

При выборе будущей профессии иерархия школы выглядит следующим образом: у респондентов-школьников: врач – 71,2%; экономист – 64,4%; юрист – 39,0%. В данном массиве преобладает группа профессий «Человек-человек», и нет профессий традиционных видов деятельности.

Предполагается, что при выборе профессии респонденты обращают внимание на ее содержательную сторону, что выбор профессии находится в прямой зависимости от социального заказа общества и от собственных возможностей личности.

Для выявления мотиваций выбранной профессии респондентам был предложен вопрос: «Что привлекает Вас в выбранной профессии?». Ответы респондентов-школьников разделились таким образом: эта профессия мне представляется интересной – 71,2%; профессия дает возможность высокого заработка – 45,8%; эта профессия имеет большое значение в обществе – 23,8 %; эта профессия считается престижной – 20,4%; в этой профессии нуждается регион – 20,4%; профессия связана с творческой работой – 15,3%; легкая работа – 6,8%; затруднились с ответом – 8,5%, нет данных – 64,4%. По показателям массивов данных подтверждается предположение о том, что респонденты в основном правильно определяют, что выбор профессии находится в прямой зависимости от социального заказа общества и от собственных возможностей личности. Традиционные виды деятельности, как видно, не являются мотиваторами при выборе профессии. Традиционные профессии не воспринимаются как карьера, представители КМНС не идентифицировали себя с ней с позиций социального статуса.

На линии тесного контакта техногенной и традиционной культур существует тактика навязывания, диктата одной из культур. Одним из результатов конфликта культур является появление маргинализированной группы лиц, не идентифицирующих себя ни с традиционной, ни с привнесённой культурой, не способных к культурному творчеству ни в том, ни в другом контексте [11, 299].

Таким образом, почти все типы мотиваций представлены в разных поколениях коренных малочисленных народов Севера. Почти все опрашиваемые распределились между классами, различающимися по оси Социальная – Индивидуалистическая ориентация. Представители индивидуалистических классов характеризуются широким, чем представители класса социальной ориентации, объемами разнообразных ресурсов (как материальных, так и информационных), которыми свободно владеет индивид. Однако, это не влияет на высокие показатели удовлетворенности и счастья и в высоких самооценках. Большинству присуща вертикальная социальность, проявляющаяся в ориентации на авторитеты (как в первой группе, так во второй группе культурных ориентаций) и прежде всего на государство. Традиции патерналистских ожиданий

доминируют. За тринадцать лет, разделяющие панели социального исследования, произошел статистически незначительный проиндивидуалистический: увеличилось количество индивидов с индивидуалистически ориентированными ценностями, что обусловлено проиндивидуалистическим сдвигом в ценностях молодежи из числа КМНС. Однако, их число не превышает 10%, что чрезвычайно мало по отношению. К общим показателям по РФ. Особенности социализации КМНС на сегодня, которые требуют компенсации и дополнительных психолого-педагогических вмешательств:

- *Статус сельского жителя.* В общественном сознании проживание в сельской местности в нашей стране закрепилось как менее престижное, что негативно может сказаться на формировании Я-концепции сельских детей.

- *Статус этнического меньшинства,* часто сопровождающийся неадекватной самооценкой и нарушением идентичности.

- *Относительно однородный социальный статус населения в сельской местности,* ограниченность сфер общения и отсутствие модели умственного труда взрослых.

Исследование не подтвердило представления о культурах как неизменных сущностях («архетипах», «культурных генотипах», «институциональных матрицах»), жестко ограничивающих характер и содержание процессов социализации и мотивации на образование. Однако, нельзя согласиться с исследователями, которые считают, что дефицитным для России, как и для большинства других постсоциалистических стран, является ценностный класс Роста, сочетающий приверженность социальным ценностям Заботы (альтруизма, толерантности, равенства и справедливости) и индивидуалистические ценности Открытости (самостоятельность, достижение, стимуляция). Автохтонные народы Севера до сих пор привержены ценностям альтруизма, равенства, справедливости. Ценностям, которые столетиями формировали стабильность этих общностей.

Литература

1. Сергей Павлов, Валерия Мухина. Психология этнической идентичности детей коренных малочисленных народов Севера // Развитие личности. 2011. № 3-4.
2. Налчаджян А.А. Этнопсихология. СПб.: Питер, 2004.
3. Пospelова С.В. Типологизация ценностей и проблема автостереотипов и гетеростереотипов // Тезисы Международных Таврических Чтений. Двенадцатые Таврические чтения КФУ. URL: <http://anacharsis.cfuv.ru/pdf/tezisy-2016/3-13-pospelova.pdf> (дата обращения: 25.08.2017)
4. Павлов С., Мухина В. Психология этнической идентичности детей коренных малочисленных народов Севера // Развитие личности. 2001. № 3-4. С. 55-75.
5. Дробижева Л.М. Этнический фактор в жизни российского общества к середине 90-х годов // Конфликтная этничность и этнические конфликты: сб. статей / отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 1994.
6. Пospelова С.В., Пospelова А.И. Ценностные ориентации коренных малочисленных народов Севера в условиях культурной адаптации (сравнительный анализ 1998 и 2011 гг.) Социология религии в обществе позднего модерна // Сборник статей по материалам четвертой Международной научной конференции, 25 сентября 2015 г. Белгород, 2015. С. 221-230.
7. Садохин А.П. Этнология. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. С. 350.
8. Пospelова С.В., Пospelова А.И. Локальная идентичность коряков в отдалённом районе Магаданской области // Научный результат. Социология и управление. 2017. Выпуск №1 (11). С. 64-71.
9. Врублевский Ф.И. Проблемы развития народов СССР (80-90-е годы)//Учебно-методическое пособие. Магадан, 1991.
10. Пospelова С.В. Ценностная диффузия КМНС и инонационального населения / Социология религии в обществе Позднего Модерна: материалы Шестой Международной

РЕУТОВ Е.В. УРОВЕНЬ И ХАРАКТЕР РЕЛИГИОЗНОСТИ В РЕГИОНЕ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. В статье выявляются: место религии в мировоззрении жителей региона, ее регулятивная значимость для повседневных практик, социально-статусные детерминанты религиозности. По результатам социологического исследования, подавляющее большинство жителей региона считает себя верующими людьми, однако твердо убеждены в своей вере чуть более трети опрошенных. При этом относительно воцерковленными можно считать еще меньшую долю населения (не более 15% регулярно посещающих храм). Сущность религиозной веры для большинства людей связывается, прежде всего, с этическим регулированием человеческих поступков и отношений. Но лишь четвертью респондентов вера осознается как постоянное соотнесение своих поступков с божьими заповедями. В целом религиозная вера для жителей региона является, прежде всего, аналогом этики, а также одним из маркеров этнокультурной идентичности и только затем – конфессиональной принадлежностью и образом жизни. Показатели религиозности более высоки у женщин, а также среди городского населения. Высокий уровень самооценки религиозности в среде молодежи сочетается при этом с достаточно поверхностными представлениями об этической и обрядовой сторонах религиозности. Самый высокий уровень посещения храмов по-прежнему характерен для пожилых людей.

Ключевые слова: религиозность; вера; идентичность; воцерковленность.

REUTOV E.V. LEVEL AND CHARACTER OF RELIGIOUSNESS IN THE REGION (SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

Abstract. The article reveals: the place of religion in the worldview of the inhabitants of the region, its regulatory significance for everyday practices, the social and status determinants of religiosity. According to the results of the sociological survey, the overwhelming majority of the inhabitants of the region consider themselves to be believers, but a little more than a third of respondents are firmly convinced of their faith. At the same time, a relatively smaller proportion of the population (no more than 15% regularly visiting the church) can be considered relatively church-trained. The essence of religious faith for most people is associated, above all, with the ethical regulation of human actions and relationships. But only a quarter of respondents perceive faith as a constant correlation of their actions with God's commandments. In general, religious faith for the inhabitants of the region is, first of all, an analogue of ethics, as well as one of the markers of ethnocultural identity and only then – confessional affiliation and way of life. Indicators of religiosity are higher among women, as well as among the urban population. A high level of self-esteem of religiosity among young people is combined with rather superficial ideas about the ethical and ritual aspects of religiosity. The highest level of visiting temples is still characteristic of the aged people.

Key words: religiosity; faith; identity; churching.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции» № 18-011-00474 (рук. Е.В. Реутов).

Религиозные ценности являются одним из базовых оснований духовно-нравственных ориентаций. В традиционном обществе именно религия служит ключевым социализирующим институтом, определяющим смысло-жизненные ценности и нормативы поведения. «С помощью такого средства (представления о небесах и святом духе и т.д.)